

31064

Смерть немецким оккупантам!

Илья ЭРЕНБУРГ

Немец

**Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1 9 4 3**

НЕМЕЦ — существо несложное, одноклетчатое, но своеобразное. Немецкий солдат не похож на человека.

Немцы и до Гитлера были чванливы, они любили петь: «Германия превыше всего». Немцу казалось, что он умнее всех. Когда Гитлер пришёл к власти, он объявил немцам: «Вы — люди высшей расы, поэтому все народы должны вам подчиняться».

Немец любит, когда выражаются по-учёному. Гитлер это знает, и Гитлер приказал объяснить по-учёному, почему немцы выше других народов. «Философы» Гитлера долго думали и, наконец, заявили: «Немцы принадлежат к высшей расе, потому что у них череп особенно благородной формы».

Немцы падки на показное. До войны в Германии фабрикант папирос тратил больше на упаковку, нежели на табак. Немец покупал красивую жестяную коробочку, платил дорого, а вместо табака курил капусту. Когда Гитлер сказал немцам, что всё дело в черепе, немцы обрадовались. Череп — коробка. А что в коробке — это немцу не интересно.

Немец спешно обзавёлся родословной: какой у него был прадедушка и какая прабабушка. Об уме и таланте немец не думает, он занят одним: породой.

У Гитлера имеются отборные солдаты СС. Это — самые породистые немцы. Это лучшие производители Германии. СС должен знать своих предков, начиная с 1750 года. Если СС решил жениться, его невесту осматривают особые специалисты — проверяют, достаточно ли она породистая.

Командование СС издало приказ «О порядке обручения и вступления в брак СС». Там сказано: «Успехи животноводства учат, что в целях улучшения породы необходимо выполнять следующие основные правила: 1) Образцами должны служить наилучшие отборные экземпляры. 2) Лучшие экземпляры следует спаривать только с лучшими. 3) Всё нежелательное должно быть уничтожено». Немцы не скрывают, что они скоты. Они гордятся тем, что они скоты.

В приказе объясняется, почему чистокровные немцы должны случаться с чистокровными немками: «Необходимо создать хороших поселенцев для Остланда» (так немцы называют захваченные ими области Советского Союза). «Расовая теория» — хороший предлог, чтобы ограбить другие, более богатые страны. Немец кричит: «Я породистый, значит, я должен быть господином. А вы, славяне, низшая раса и вы должны мне повиноваться». Немец не просто бык на случном

пункте, — это бешеный бык, который хочет уничтожить весь мир.

Когда фрица хватают за шиворот, он обязательно кричит: «Гитлер капут». Конечно, в ту минуту «капут» не Гитлер, а только фриц, который визжит, как поросёнок, но фриц — подхалим.

Пленные немцы в первый день ругают на чём свет стоит и Гитлера, и Геринга, и Геббельса. Но дайте фрицу очухаться, и он заговорит по-другому: он вспомнит, что он представитель «высшей расы».

Возле Ржева я видел одного пленного немца. Он вопил: «Гитлер капут». Добрый час он кричал, что Германия проиграла войну. Два дня спустя я заметил среди других пленных этого фрица. Шутя я его спросил: «Чем, по-вашему, кончится война?» Фриц помолчал, как дипломат, а потом ответил: «По-моему война кончится победой одной из воюющих сторон». Он успел поесть щей, выспаться, потолковать с другими фрицами.

Попав в лагерь для военнопленных, такой фриц наглеет и кричит: «Пфуй, что это за метла? Разве у нас в Германии такие мётлы?..»

Немец быстро переходит от подхалимства к наглости и от наглости к приниженности. Во Франции майор как-то допрашивал пленного немца: «Ваша фамилия?» Немец в ответ рывкнул: «Хайль Гитлер!» Майор пожал плечами, продолжает вопрос: «Какой вы части?» Немец снова рычит: «Хайль Гитлер!» Тогда француз-

ский лейтенант обратился к майору: «Разрешите, я его допрошу». Лейтенант поглядел на немца да как крикнет: «Фамилия?» Немец вытянулся и пролопотал: «Ганс Мюллер. 176-го линейного полка».

Если на немца прикрикнуть, он становится смиренным. Если немцу дать поблажку, немец начинает кричать на тебя.

В Италии фашизм существует много больше, чем в Германии. Я часто видал пленных итальянцев. Народ они южный, любят покричать, помахать руками. Войдёт пленный итальянец и сразу начинает шуметь: «Муссолини!.. О, Муссолини!.. Дуче никогда не ошибается!»... Если дать ему пошуметь, он быстро притихнет: выложит всё и успокоится. Его хватит на три минуты, офицера — на четверть часа. А потом сидит обыкновенный человек, говорит о работе, о девушках, о харчах. Фашизм на итальянском пастухе или виноделе, как грязь: бросишь в воду — и всё сойдет.

А у немца фашизм внутри, в самых кишках. Чем больше с немцем говоришь, тем больше из него прёт самодовольство, уверенность в своем превосходстве.

Первой осенью войны в Брянском лесу я увидел несколько пленных немцев. Среди них был один высокий фриц с глазами, похожими на стекляшки чучела. Он что-то объяснял своим сородичам. Я подошёл. Фриц показывал расовую теорию на лицах русских. Сначала он занялся

одним бойцом: «Вы только посмотрите, какие у него уши!..» Слово «уши» он закричал с таким ужасом, что я невольно поглядел на товарища. Вижу, уши, как уши, но для фрица эти уши были доказательством, что немцы должны владеть орловским чернозёмом. Потом фриц напустился на меня. Он не подозревал, что я понимаю по-немецки. «Поглядите на старика, это типичный выродок: совершенно бессмысленное лицо». Я удивлённо посмотрел на немца: ну и нахал! Немец поймал на себе мой взгляд и забеспокоился: «Может быть, вы по-немецки понимаете?» Я ответил: «Понимаю». Фриц от страха стал заикаться: «Я не умею правильно выражать свои мысли. Мне в школе учитель говорил: «Руди, почему ты говоришь то, чего не думаешь?» Вслед за этим фриц стал рассказывать, что у него дедушка и дядя рабочие, что он сам рабочий, и, наконец, со страху ляпнул: «Я марксист»...

Наверно, когда я ушёл, он сказал своим: «Видали, какие у «старика» уши? А череп? Низшая раса!..»

Прошлой зимой возле Мелыни мне показали пленного лейтенанта. Он был похож на Геббельса: замухрышка. Грязный, всё время чесался. Ко всему был он дураком. Он мне долго рассказывал, почему немцев побьют. Я знал, что он мне повторяет содержание одной из наших листовок. Потом мне удалось разговорить лейтенанта. Когда я ему сказал, что знаю город, откуда он родом, и даже бывал в кафе, где фриц каждое

воскресенье сидел со своей невестой, он расцвёл. Он сразу забыл, что он в плену, стал развязным. Говорит: «24 июня день рождения моей невесты. Я надеюсь, что к этому времени я буду дома, так как в апреле мы начнём решительное наступление и побьём русских». Поговорили ещё, и вот что он изрёк: «У нас в роте был очень умный обер-лейтенант. Я записывал в книжечку его изречения — приятно потом повторить. Так вот обер-лейтенант однажды мне сказал: «Вилли, нужно быть в жизни готовым ко всему. Иногда великан попадает в лапы муравьёв». Я спросил лейтенанта: «К чему вы это говорите?» Он мне ответил: «Со мной случилась беда — я попал в лапы к русским». Этот глупый и грязный фрицёнок считал себя великаном, а русских муравьями.

В Париже во время немецкой оккупации я разговорился с одним немецким офицером. Он меня принял за француза, хвалил французское искусство, литературу, а потом говорит: «Вы, конечно, не обидитесь. Вы сами понимаете, что, по сравнению с Германией, Франция — малокультурная, отсталая страна. Но вот я в Париже две недели, и у меня впечатление, что я в культурном городе. Скажите, какой у вас, французов, талант, способность придавать всему видимость культуры?» Этот наглый варвар попал из гитлеровской одичавшей Германии в один из самых замечательных городов мира. Он видел вокруг себя культуру, но он был убеждён, что куль-

тура существует только в Германии. Он принимал французскую культуру за эрзац (подделку). Он не понимал, что он сам — эрзац человека.

На одном немецком фельдфебеле нашли два письма: одно от брата, другое ответ — фельдфебель написал, но не успел отправить. Братец писал: «Представь себе, какую клевету распространяют англичане! Я в Базеле слышал радиопередачу из Лондона. Эти подлецы говорили, будто мы в России убиваем детей». Вот что отвечал фельдфебель брату: «Только англичане способны возвести на нас подобный поклёп. Ты сам знаешь, как немцы любят детей. У меня в роте каждый поделится с ребёнком куском хлеба. Если мы в России убиваем маленьких представителей страшного племени, это объясняется государственной необходимостью». Для этого ирода русские дети — не дети, а «маленькие представители страшного племени». Он убивает русских детей со спокойным сердцем, как будто давит муравьёв.

Английский журналист, который находится теперь в России, спросил немецкого военнопленного: «Как с вами обращаются?» Фриц ответил: «Хорошо». Англичанин тогда сказал: «Вам не стыдно, что немцы так зверски поступают с пленными красноармейцами?» Фриц удивлённо поглядел и сказал: «Нет, на то они русские»...

Немцы считают французов «негроподобными обезьянами». Славян они называют «недочеловеками». Евреи для немцев «насекомые», казахи —

«дикие кочевники», татары — «проводники, которых можно купить за одну марку».

Немцы нахально называют народ Пушкина и Толстого «неполноценным народом». Себя немец считает «сверхчеловеком». Немецкий генерал Хот приказал своим солдатам «выказывать неустанно презрение ко всему русскому». Колбасник из города Свинемюнде возомнил себя полубогом. Прежде говорили, что горбатого только могила исправит. Мы узнали, что такое немцы, и мы скажем: немца исправит только могила.

Я спросил одного немца, доволен ли он, что его послали на войну. Фриц ответил: «А что бы я делал, если бы не было войны? Сгнил бы, как отец, на заводе...» Для него работать значит «гнить». Он с детства мечтал о войне. Пленный немец мне сказал: «Бывают несчастные, пустые поколения — они живут в такие годы, когда нет войны».

Немец дорвался до войны, как до праздника. Гитлер ему говорил, что «война — высшее состояние человечества». В немецких школах только и делали, что расхваливали «сладость военных походов». Немецкому сопляку говорили: «Вот подрастёшь и будешь воевать. Будешь убивать врагов. объездишь весь мир. Работать не придётся. Что понравится — возмёшь, потому что ты — немец, высший, арнец, господин, а остальные — рабы». Сопляк верил и мечтал, как бы ему скорее вырасти.

Вот песенка, которую поют дети фрица:

„Если в сь мир будет лежать в развалинах,
К чорту! Нам на это напле ать!
Мы всё равно будем марширо :ть дальше!“

Война для всех народов — беда. Есть только одно, что возвышает войну, — любовь к родине. Наши бойцы защищают свою землю, свои семьи, свою свободу. А немец любит войну ради войны.

Когда немцы напали на нас, они пели:

„Ха-ха!
Это будет вселая война“.

Немецкий ефрейтор мне рассказывал: «Благодаря войне я и свет поглядел и себя показал. Вот я сколько перевидал», — и он начал считать по пальцам: «Париж, Брюссель, Греция, Варшава, Россия». Я его спросил: «Ну, что вы видели в Париже?» Он не знал, что мне ответить — он в Париже ничего не видел, кроме ресторанов и публичных домов. Зато себя фрицы и впрямь показали — вся Европа теперь знает, что такое немец.

Немцы легко захватили небольшие страны: Бельгию, Голландию, Норвегию, Данию, Грецию, Югославию. Вследствие измены капитулянтов немцы без усилий проглотили Францию. Они были убеждены, что война — весёлая прогулка. Они себя чувствовали туристами. Когда в России немцы натолкнулись на отпор, они смутились. Теперь все фрицы пишут и говорят одно: «Если выживу, в Россию больше ногой не ступлю».

Они чувствуют себя обиженными, как будто они приехали осматривать страну, а их плохо приняли.

Я как-то зашёл в избу, где сидел пленный немец. Он вскочил и начал мне рассказывать: «Гитлер карут». Я ему говорю: «Зря вы стараетесь — я человек посторонний...» Тогда фриц меня спросил: «Как, по-вашему, я останусь в живых?» Я ему ответил: «Конечно, если только не умрёте естественной смертью». Фриц, видно, был суеверным. Ему это не понравилось: «Я не могу умереть естественной смертью, потому что я совершенно здоров». — «Тем лучше». Он подумал и говорит: «Я здоровый, но очень слабый, так что меня нельзя посылать на трудную работу». Вот этот фриц мне потом сказал: «Выживу, вернусь домой и в Россию ни ногой». Я спрашиваю — почему? Он стал перечислять свои обиды: «Плохой климат. Дороги скверные. Мало гостиниц». Помолчал и добавил: «А ко всему — партизаны». Он себя чувствовал туристом: приехал в гостиницу, а номер ему не приготовили, да ещё оказались какие-то партизаны.

С 1870 года немцы жили и работали для одного: для войны. Когда немка рожала сына, ей говорили: «Будет хороший солдат». Когда немка рожала дочку, её утешали: «Это — будущая мама солдата». Бывают вору по несчастью, немцы — разбойники по призванию.

Фрица создали не в один год и не в десять лет. Фрица начали изготавливать давно. В 1899 году немецкий фельдмаршал фон-Вальдерзее писал:

«Нечего щадить города или деревни, где раздается хоть один выстрел. Нужно сравнивать их с землей, захватить возможно больше граждан и расстрелять их, нужно так поступать, не зная отдыха. Если мы хотим добиться прочного мира, нужно будет действовать радикально, заменить войну против армии полным уничтожением враждебных народов. После окончательного разгрома врага на поле боя нужно начать борьбу против женщин и детей. Когда все физические силы народа иссякнут, побеждённая раса исчезнет навсегда».

Вот когда были задуманы фрицы, которые уничтожают города Чехословакии, Польши, Украины и Белоруссии, которые убивают женщин и детей.

В 1916 году во Франции я видел, как немцы, отступая, жгли французские деревни. Они поступали, как их дети четверть века спустя в Истре или в сёлах вокруг Можайска. Тогда тоже были специальные отряды «факельщиков», которые поджигали дома. Разница в одном: тогда у факельщиков были велосипеды, теперь — мотоциклы.

Немцы уже озабочены тем, кто будет воевать в 1960 году. В циркуляре верховного командования германской армией предлагается поощрять сожительство, с тем чтобы было побольше детей: «Нужно помнить, что каждый мальчик, родившийся теперь, будет к 1960 году хорошим солдатом».

Проклятое семя!

Когда немца спрашивают, почему Германия начала войну, немец неизменно отвечает: «Нам нужно жизненное пространство». Немцы считают, что им тесно в Германии.

Один фриц мне сказал, что ему нужно «жизненное пространство». Я его спросил, как он жил до войны. Он мне ответил, что жил в Берлине с матерью — у него там квартира из четырёх комнат. Я говорю фрицу: «Что если я приду в вашу квартиру и вас с мамашей выгоню, заявив, что у меня дома тесно и что мне необходимо жизненное пространство». Фриц обиделся: «Это невозможно, этого не допустит полиция...»

Германия захватила десять стран. Чем больше фриц грабил, тем сильнее ему хотелось грабить. Бельгийцы жили в пять раз теснее, чем немцы, но немцы захватили и Бельгию, говоря, что им тесно на земле.

В Восточной Пруссии имеются огромные поместья. Целый район принадлежит одному барону. Но немецкие крестьяне не мечтают о земле немецких баронов, они зарятся на землю украинских колхозников. У немецких фабрикантов и банкиров просторные дворцы. У Геринга шесть квартир, в одной тридцать две комнаты. Но если немцу тесно, он не требует, чтобы потеснился тучный Геринг, он не претендует на дворцы рурских магнатов, нет, он хочет выгнать парижан из Парижа, а киевлян из Киева. Это и есть война за «жизненное пространство».

Немцы хозяйничают в Дании и в Югославии, в Праге и в Амстердаме. Они организуют переселение в Россию. Фрицам обещано по сорок га украинской земли. Различные немецкие фирмы уже берут подряды на постройку особых ферм в Крыму или на Кавказе для фрицев. Один немец поселил свою гретхен в Киевщине, и она пишет: «Я живу здесь, как помещица...»

Немцы гонят крестьян за тридевять земель от родного села. Французских виноделов из Эльзаса они отправляют на далекий север. Голландских рыбаков они привезли в Полтавщину. Люди не выдерживают насильственной пересадки и умирают. Немцы довольны: они хотят, чтобы на свете жили только немцы да еще некоторое количество необходимых немцам рабов. Одна немецкая газета откровенно писала: «Необходимо уменьшить народонаселение России на тридцать-сорок процентов».

По плану Гитлера, немцы в «Восточном пространстве» (так они нахально называют Россию) будут помещиками, заводчиками, торговцами, губернаторами, полицейскими, судьями. А русские, украинцы и другие народы нашей страны будут на них работать. Вот что пишут берлинские газеты о заселении России немцами: «Каждого немецкого колониста будут обслуживать восемьдесят семейств. Помимо немецких крестьян, нам понадобятся немецкие врачи, инженеры, агрономы, учителя, ветеринары, ремесленники, коммерсанты с широким кругозором, администра-

торы. Принимая во внимание моральную отсталость не только русских, но и украинцев, мы будем вынуждены держать в Остланде крупные полицейские силы».

Они всё обдумали до мелочей. Они решили выдать СС по сто га русской земли, сделать из ферм маленькие крепости, способные усмирять «непокорных туземцев». Немец сможет кнутом учить белорусских крестьян и развлекаться с украинскими девушками. Они пишут: «В России каждый немец внезапно стал колонизатором, начальником и господином».

Фриц до войны был приказчиком в сигарном магазине или делопроизводителем. Он считал каждый грош. Он мечтал накопить триста марок и купить себе кровать с периной. Он торговался с проститутками и вечером у себя ходил в подштанниках, чтобы не протереть брюки. Ему сказали: «Весь мир принадлежит тебе». Фриц оказался на Украине. Он стал «организовывать» кур. Он ел мёд и пил водку. Он насиловал девушек. Он судил, пытал и вешал. Он уверовал, что он, паршивый фрицёнок, — царь и бог. Он решил править Россией, а русских он объявил туземцами и рабами.

Гитлер десять лет говорил немцам: «Вы — народ без пространства». Немцы захватили чуть ли не всю Европу, они её вытоптали, опустошили, сожрали. Но они продолжают кричать: «У нас чересчур много народа и чересчур мало пространства». Народа у них теперь маловато.

Германия опустела, и Гитлеру приходится заселять её иностранными рабами. Насильно везут в Германию людей из Франции, с Украины, из Югославии. Рабы не понимают друг друга. Рабы не понимают своих надсмотрщиков. В цехах, на улицах, в поле люди разговаривают жестами. Это новое вавилонское столпотворение. Семь миллионов рабов работают на немцев в Германии, мечтая о возмездии.

Где же немцы, которым было «тесно» в Германии? Воют. Многие уже гниют в русской земле. Они мечтали стать господами. Они стали удобрением.

Что такое война для фрица? — Заработок. Он идет воевать натошак: он хочет заработать себе обед.

Я был в Париже, когда туда вошли немцы. Они проходили мимо моего дома, и ни один не поглядел по сторонам: все только и делали, что ели. Это — голодная прожорливая саранча. Помню, в Париже я увидел немецкого трубача и подумал, какая у него странная труба. Подошёл ближе — от трубы осталась половина. Это была лионская колбаса. Немец стоял на улице, задрав вверх голову, и загонял колбасу в пасть. Другой раз я видел, как фриц выскочил из молочной с бочонком масла. Он ел масло ложкой без хлеба. Был жаркий день, масло текло, а с рыжего фрица струился пот.

Когда немцы захватили Норвегию, вся Германия ночью шлёпала — пила воду: мучила жажда

после копчёной и солёной рыбы. Ещё шли во Францию эшелоны с бомбами, а назад вагоны грузили красными шарами голландского сыра. Немцы съели сыр до красной корочки и принялись за французские паштеты, за сардины и колбасы. Закончив французские паштеты, Германия перешла на болгарские яйца. За болгарскими яйцами последовало сербское сало. Когда немцы съели и это, они напали на нас: они давно мечтали об украинском сале. Один немецкий рифмоплёт написал, что у Германии «бездонная душа». Души у немца нет, но брюхо у него действительно бездонное.

Немцы теперь живут, как дикая орда: мужчины устраивают набеги на чужие земли, а женщины и дети ждут пропитания. Захватив страну, немцы быстро её вытаптывают, идут грабить дальше. Французская провинция Нормандия славилась маслом и сырами. Когда немцы заняли Нормандию, они съели всех коров. Во Франции исчезли масло и сыр. А немцы отправились на Балканы добывать жратву.

Немцы жалуются, что в Европе нет яиц. Почему? Ответ прост: фриц — куроед. Не станет он ждать, пока курица снесёт яйцо. Яиц больше нет. Да и ничего нет. Значит, немцу нужно снова итти в поход. Поход для него приход. Но поход для него и могила.

В газетке 17-й германской армии я прочитал статью о Кубани. Она напоминает рекламу ресторана: «На Кубани удивительно вкусное сочное

мясо... Лёгкие вина дают приятное опьянение, особенно рекомендуем Абрау-Дюрсо...» Это было напечатано до захвата немцами Кубани: фрица соблазняли. Немца ведёт вперёд желудок.

В приказах германского командования награбленное добро называется «трофеями». Например, тюфяки, вытащенные из домов, именуются «трофейными тюфяками». Немецкий язык своеобразен: грабёж по-немецки «война», а украденные у колхозницы детские штанишки — «трофеи».

Фриц тщательно записывает в книжечку всё, что он стащил. Говорят, что воровство — последнее ремесло. Для немца воровство — единственное ремесло.

Недавно возле Ржева я видел пленного немца. Он мне говорил: «Я не при чем»... Выходило так, что грабит у нас только Геринг, а девушек насилует Геббельс. «Я даже ни разу не выстрелил», — приговаривал фриц. Но в его сумке оказалась женская кофта, а в кармане фотография красноармейца с надписью: «Братишке Пете». Я его спрашиваю: «Это откуда?» Он говорит: «Не помню. У меня вообще слабая память».

Немецкие блиндажи после поспешного отступления фрицев кажутся лавкой старьевщика: фриц всё тащит в свою нору. Здесь и самовар, и детское бельё, и сито, и баян — добро, украденное в соседних деревнях. Немец ничем не брезгует. Он посылает домой даже мелочь — хорошую верёвку, тесёмку, старую детскую игрушку.

В бумажнике фрица — вся его жизнь. В одном отделении — похабщина, изображение голых девок и карточки французских борделей. В другом отделении — фотография белокурой немки с круглыми фарфоровыми глазами. Это — фрау Фриц, гретхен. Немец — существо аккуратное, он никогда не засунет фотографию супруги в похабное отделение, — знает порядок.

Немец кормит свою самку и свой выводок «трофейными посылками». Мечта каждой гретхен — так называемый «пакетик фюрера»: двенадцать кило продовольствия из захваченных немцами областей. Фриц знает: как он воюет, так его половина ест.

Гретхен неизменно пишут мужьям, какие вещи им прислать. Для жадных и глупых немок война — это универмаг или базар. Одна дура пишет мужу в Сталинград: «Пришли мне изящный купальный костюмчик». Другая довольствуется малым: «Твоя посылочка была перевязана прекрасной верёвкой. Пожалуйста, всегда теперь перевязывай посылки хорошей русской верёвкой».

Гретхен обладают неистовым аппетитом. Одна из них сообщает фрицу: «Шоколад я оставила для малютки, сало и мёд съела в один присест, даже не заметив». Эти особы сантиментальны, они любят сюсюкать; в письмах они называют фрица «моё маленькое сокровище», а о себе говорят: «твоя куколка». Но они кровожадны и отвратительны, как их мужья: это гиены при шакалах. Одна немка пишет фрицу из

Пренцлау: «Русских ты можешь убивать без всяких угрызений, да и детей, потому, что из каждого русского малыша вырастет большевик». Другая ведьма просит мужа прислать ей из России детские вещи и деловито добавляет: «Ничего, если они запачканы кровью — это можно отмыть». Нет такого мыла, которым Германия смыла бы со своих лап детскую кровь!

У немецких министров в Южной Америке миллионы — они перевели туда краденые денежки на чёрный день. Немецкие главари Геринг, Риббентроп, Розенберг украшают свои квартиры картинами, украденными из музеев Франции, Чехословакии, России. Важный немец тащит статую, маленький — тащит носовой платок. Но тащат все. Один немец записал в своем дневнике: «Ужасная неделя, мы ничего не организовывали! Только Курту повезло — он достал три яйца и серебряную ложечку».

Когда все дома очищены, фриц крадет у другого фрица «трофеи». Вор крадет у вора. Германское командование рассылает приказы: «Пресесть воровство среди солдат». Но приучить фрица красть было легко, а отучить его никто не может. Один немецкий капитан, рассердившись, что фрицы стащили у него серебряный портсигар, обозвал в приказе свою роту «скопипцем преступников». Определение точное, включая, разумеется, и ротного командира.

Во главе немецкого государства стоит банлит, который знает только одно — грабить другие

страны. Немудрено, что каждый немец стал вором. «У нас теперь очень длинные руки», — заявил один немецкий журналист. Эти руки нужно отрубить.

Часто говорят, что немцы — звери. Зря обижают зверей. Дикий зверь способен растерзать человека. Немец человека долго и хитро мучает. Зверь убивает, чтобы насытиться. Немец убивает, чтобы насладиться.

Немец всегда был жестоким существом, но прежде он не мог позволить себе роскошь убивать девушек и пытаться детей. В мирное время он только мечтал об этом. В кино Германии показывали страшные фильмы: старики душили девочек, мертвецы преследовали ребятишек. До войны в немецком городе Дюссельдорфе жил мясник, который убивал женщин. Газеты его называли «дюссельдорфским вампиром». Теперь каждый немец стал вампиром.

Фриц, которому теперь двадцать лет, получил соответствующее воспитание. Когда фрицу было десять лет, он видел, как на улицах Берлина пытали евреев, вырывали у стариков бороды, плевали в лицо женщинам. Когда фрицу было пятнадцать лет, он видел, как немцы били чехов. Теперь фриц дорвался: он может сам пытать, жечь, колоть, вешать.

Один фриц записал в книжечке: «Пытки меня веселят и даже горячат». Другой отметил в дневнике: «Когда я расскажу Эльзе, что я повесил русскую большевичку, она мне отдастся». Герма-

ния — это страна извращённых садистов. Немец может не поесть, не поспать, лишь бы дали ему кого-нибудь помучить.

Немец любит вешать русских детей, стариков, женщин. На убитых фрицах часто находят фотографии виселиц с повешенными: один фриц вешает, а другой стоит с фотоаппаратом и снимает, как повешенные задыхаются. В повешение немцы внесли технические «усовершенствования». Для ускорения грузовик подвозит жертву под виселицу. Человеку накидывают на шею петлю, и грузовик двигается дальше. В селе Белополье немцы устроили двухэтажную виселицу.

Я видел в одной деревне игрушечную виселицу с повешенной кошкой: фрицы «шутили». Фрицы часто играют между собою в виселицу: подвешивают друг друга, хохочут, а фотографии шлют гретхен: «Вот тебе наши забавы»...

Немцы закапывают детей живьём в землю. Возле Витебска земля два дня стонала — кричали дети, зарытые немцами. В Керчи немцы приказали детям отправиться в школу, а потом убили их и зарыли вместе с учебниками и тетрадками. В селе Новины немцы привязали мальчика Ваню к столу и отпилили ему руку.

Недавно был найден дневник секретаря тайной полевой полиции Фридриха Шмидта. Этот немец в селе Будёновка пытал и убивал девушек. Вот несколько цитат из дневника Фридриха Шмилта: «Первая рота полевой жандармерии поймала в трёх километрах севернее Будёновки пять пар-

ней в возрасте семнадцати лет. Их привели ко мне. Началось избивание нагайкой. При этом я разбил рукоятку на мелкие куски. На правой руке у меня уже болят мускулы... Уничтожен четырехлетний ребёнок... В 10.00 ко мне привели двух девушек и шесть парней. Мне пришлось беспощадно избить их. Затем начались массовые расстрелы. Вчера шестерых, сегодня тридцать три заблудших создания... Девушки не проронили ни слезинки. Им приказали раздеться до гола — одежду нам надо продать... Сегодня я приказал расстрелять Людмилу Чуканову семнадцати лет... Мы высекли женщину по голому задку... Я приказал избить женщину за то, что она не зарегистрировалась... Чаще всего я провожу порку по голым ягодицам... Я избил трех мужчин и одну женщину за то, что они, несмотря на запрещение, пришли в Будёновку. Затем я избил ещё одну бабу — она сама призналась, что была санитаркой... Я высек двух девушек в моей квартире по голым ягодицам... Я вызвал много девушек, которые неодобрительно отзывались о тайной полевой полиции, я всех высек...» Можно подумать, что Фридрих Шмидт — исключение, что это душевнобольной. Нет, это обыкновенный немец. Он посылал жене посылки, как все фрицы, и командование наградило его «крестом с мечами».

Они измываются над ранеными красноармейцами, растравливают их раны, дают им вместо воды мочу. Они мучают пленных. Немецкий

управляющий пишет приятелю: «Вчера я подверг легкой экзекуции двух русских бестий, которые тайком пожрали снятое молоко, предназначавшееся для свиных маток». Другой немец в восторге сообщает: «У нас здесь имеются пленные русские. Эти типы пожирают дождевых червей на площадке аэродрома. Они кидаются на помойные вёдра. Я видел, как они ели сорную траву».

В селе Семёновщина немцы побросали в колодцы грудных детей. Матери кричали, но немцы, смеясь, приговаривали: «Нам колодьец не надо, нам вода есть».

В Польше немцы убивают евреев по несколько тысяч в день и посылают трупы на мыловаренные заводы. Немцы сожгли чешский посёлок Лидице, мужчин и подростков убили, женщин послали на каторгу, а маленьких детей объявили «ничьими детьми, без имени и без права на происхождение». В Сербии немцы насилуют двенадцатилетних девочек. Это жестокие и отвратительные твари. Это вампиры, которые ссуют кровь человечества.

Когда немец перестает мучить людей? — Когда он убит и зарыт.

Пленного немца спросили: «Как вы могли изнасиловать тринадцатилетнюю девочку?» Немец равнодушно поморгал и ответил: «Для меня женщина — это уборная». У него были светлые курчавые волосы и голубые глаза.

Есть такие бесстыдные обезьяны — павианы.

Посмотришь на них в зоопарке, и станет как-то неловко. Геббельса били по морде за «любовные проказы». Каков Геббельс, таков и фриц. Немец побывал во всех непотребных заведениях Европы. У него в кармане пакостные фотографии. Германское командование ввело особые карточки для публичных домов. Вот карточка: «Номер контроля 23268». Разве это люди? Это — павианы. Фриц болен пакостной болезнью, и он заражает мир. В письме из Дрездена гретхен сообщает супругу: «У нас русские девочки десяти-двенадцати лет. Их разобрали старые проказники». Подлая немка называет «проказниками» растлителей, отвратительных павианов.

Немки не отстают от немцев. Они теперь спят со всеми: с немцами, с венграми, с итальянцами. Эти «чистокровные» самки пошли по рукам. Что могло их удержать? Фриц блудит в Париже или в Афинах. Гретхен блудит у себя в немецкой норе.

Немка больше всего боится, что немец пожалует не её, а себя. Гретхен пишет: «Конечно, у вас плохо, но у нас ещё хуже. Я потеряла шестнадцать кило и охотно поменялась бы с тобой местами». Фриц возмущённо отвечает: «Моя крошка, ты не знаешь, что такое русская артиллерия». Но «крошка» плачет над своей судьбой. Фриц её теперь не интересуется: он в Ржеве и вместо «трофейных посылок» шлёт закапанные слезами письма. Другая гретхен написала супругу после бомбёжки: «Не понимаю, что вы де-

лаете на фронте, когда у нас три ночи подряд тревога». Самки достойны самцов.

Немец — злобное существо. Он ненавидит всех. Он ругает своих «союзников». Он ругает и своих соотечественников. Пруссаки не выносят баварцев, а баварцы говорят, что пруссаки «хуже свиней».

Фриц лишён чувства товарищества. Один солдат пишет жене: «Не думай, что я с кем-нибудь делюсь. Вкусное я съедаю всегда один в сторонке». Немец крадёт у немца. «Все подлецы, все доносчики», — жалуется фриц в письме отцу.

Я видал одного пленного оптимиста. Когда я его спросил, как ему жилось на фронте, он ответил: «Чудесно! У нас в роте после вашего обстрела осталось мало народа. А продовольствие отпускали на прежний состав. Я жрал за десятых».

С виду немец похож на цивилизованного человека. У него в кармане записная книжка, куда он записывает свои «впечатления», и вечная ручка. Книжку ему дала коммерческая фирма для рекламы, а ручку немец украл. Этой ручкой фриц записывает, сколько кур он организовал и сколько девушек повесил.

Один немецкий ефрейтор записал в своей книжечке: «В России нет ни искусства, ни театра. Я не помню ни одной книги, переведённой с русского. Вот только в кино за три года до войны показывали «Анну Каренину», но, по-моему, сценарий был немецкий и фильм ставили немцы, так что русским в ней был только сюжет, к тому же

глупый». Этот дикарь — студент. Он не слышал о Льве Толстом. Не удивительно, что его сородичи загадили Ясную Поляну.

Невежда считает себя мудрецом. Немец убеждён в том, что он всё знает. Он хвастает, что в Германии хорошо печатают книги. Но стоит почитать эти книги, и увидишь, как одичали немцы. Это — кровожадный бред или рассуждения о хорошем размножении арийцев. Десять лет тому назад немцы взяли из библиотек Германии все хорошие книги и торжественно сожгли их на огромных кострах.

В школах фрицев не учили, а натаскивали на драку. Им рассказывали всякие небылицы. Учитель географии их уверял, что норвежцы якобы говорят «на испорченном немецком языке», что «немецкое племя живёт от Сены до Волги». Учитель истории говорил детям, что «Киевская Русь управлялась немцами», что «Лион был немецким городом» и что «весь мир принадлежал древним германцам». Естественно, что фрицы — олухи, которые знают одно: грабить и убивать.

Немцы всё приспособили для подготовки войны. Они делают одежду из коры, мёд из опилок. Они придумали тысячи эрзацев. Наука Германии занята одним: подделкой сырья и продуктов, подделкой мысли и подделкой человека.

«Культурный» немец оправляется в русской избе перед женщинами; ему не охота выйти на мороз. Это настоящий дикарь. Чтобы согреться, он кидает в печь стулья и книги. Зимой он вщи-

веет. Для него чистота была формой, а не потребностью. Он мылся в комнате тёплой водой. Мыться на морозе он не желает. Грязь ему не противна. Он быстро теряет даже внешнее сходство с цивилизованным человеком, превращаясь в «зимнего фрица», фотографии которого мы часто видим в газетах.

«Что вы думаете об убийстве немецкими лётчиками испанских детей?»—спросил я в Мадриде немецкого офицера. Он тупо посмотрел на меня и сказал: «Ничего не думаю. Я вообще не думаю. Думает фюрер». Эти олухи считают, что за них думает Гитлер. А бесноватый фюрер кричит, рычит и знает одно: убивать, убивать и убивать.

У немца голова механизирована. Он никогда не сомневается, не критикует. Все вымерено, выверено. В Берлине во время войны между Германией и Англией я видал, как пешеходы стояли на углу, не переходя через улицу. Пустая мостовая, но немцы даже не смотрели по сторонам, есть ли машины. Если светит красный светофор, немец машинально останавливается: у него тормоз в ногах.

За несколько лет до воцарения Гитлера в Берлине была демонстрация. Толпа собралась в парке Тиргартен. Полиция, вооружённая резиновыми дубинами, избивала и арестовывала демонстрантов. Полицейские стояли на дорожке и ждали—люди сами бежали под дубинку. Они могли бы спастись, но для этого нужно было по-

бежать по газону. Немец знал, что за это в обычное время полагается три марки штрафа. И ноги немца не решались даже ради спасения его головы ступить па траву. Четыре демонстранта удрали, потому что полицейские тоже не осмелились побежать по газону.

У одного немца в квартире я увидел па двери красивую надпись: «Уборная». Я спросил: «Вы не один живёте в квартире?» Он ответил: «Нет, не один, с женой». Конечно, ни он, ни жена не нуждались в надписи, чтобы разыскать в своей собственной квартире уборную. Но немец обо- жает на каждой вещи проставить название, даже когда это не нужно. Немец едет на дачу с зонтиком. Зонттик в чехле, а на чехле написано: «зонтик», хотя каждый видит, что это зонтик, а не поросёнок и не гитара.

Немцы теперь помечают иностранных рабов, которых они привезли в Германию, буквами: Р — значит поляк, F — француз, O — русский. В наших деревнях они перенумеровали крестьян и повесили каждому на шею бирку с номером. В этом и немецкое надругательство над человеком, и немецкое понимание порядка: занумеровать человека, проставить литеру или номер. Для немца человек — только винтик в машине.

У одного немецкого ефрейтора я нашёл в записной книжке такую запись: «Десять часов на работу, восемь на сон, час сорок минут на еду, час тридцать минут на передвижение, сорок минут на чтение, двадцать минут на ребусы и кросс-

ворды, четверть часа на гимнастику, три четверти часа на сношения с Гертрудой, пятьдесят минут на хозяйственные и непредвиденные дела. Это — средние данные за январь—март 1939 г.». Немец — машина, которая прикидывается человеком.

Когда немец начинает думать? — За минуту до смерти. Я встретил только одного фрица, который самостоятельно задумался над тем, зачем он воюет. Это было прошлой зимой. Пленный фриц выглядел исключительно живописно. Разглядев, я понял, что у него на голове женские рейтузы. Шутя, я спросил: «Как же вы в таком виде отдавали честь офицерам?» Я попал в точку — фриц оживился: «С тех пор как я нацепил это на голову, я перестал отдавать честь. Да и лейтенант делал вид, что он меня не замечает. Я оказался отверженным. Я почувствовал себя вне армии. Тогда я задумался: зачем мы воюем? Я понял, что наше дело пропащее и что мы дураки. Я подобрал вашу листовку с «пропуском» и ночью перешёл...» Так в голове фрица под рейтузами родились первые мысли.

Некоторые думали, что немец прочитает наши листовки и усомнится: справедливо ли грабить чужую страну? Нет, немец не такой, чтобы задуматься. Он пришёл к нам не за справедливостью, а за салом и за шубой для своей гретхен. Чтобы один фриц задумался, нужно убить сто фрицев.

Когда мы суровыми ударами настолько разболтаем германскую военную машину, что даже

глупые фрицы прозреют, они начнут сдаваться в плен, но не поштучно — оптом. Отбивая шаг, подойдёт рота к нашему бойцу, фельдфебель возьмёт под козырёк и рявкнет: «Господин-товарищ большевик! Честь имею доложить, что девяносто два марксиста сдаются в плен».

Немец, как попугай, повторяет слова Гитлера. Фрицу внушили, что он, фриц, — «национал-социалист». Ему рассказали, будто Гитлер произвёл «революцию». Фрица не смущает, что миллионер Геринг на войне неслыханно разбогател. Фриц и Геринга называет «социалистом». Когда немец сжигает чешскую деревню, он считает, что это — «революция». Когда фриц оправляется в Парижском музее, он заявляет: «Это национальное начало». Когда немец убивает украинскую колхозницу и посылает фрау краденые рушники, он приписывает к посылке: «Немецкий социализм торжествует».

Один немецкий унтер во время учения заставлял солдат повторять десять раз подряд: «Я дурак». Фрицы охотно это делали. Есть, конечно, среди немцев и дураки и умные, но даже умный немец не привык самостоятельно думать. Недавно один немецкий офицер написал в дневнике: «Когда солдат начинает спрашивать «почему» и «зачем», его лучше всего пристрелить». Немец — не человек. Это автомат с автоматом. Автомат можно подобрать, а немца надо закопать.

Когда немцы расстреливали из автоматов французских беженцев, они считали себя неслыханно

храбрыми. Они воевали тогда с удобствами: сражаться не приходилось, вина было много, еда хорошая, спали фрицы в гостиницах и опустошали набитые товарами магазины. Это были мото-мех-мешочники, которые расстреливали девушек и набивали танки шёлковыми чулками.

С тех пор многое изменилось. Россия пришлась фрицам не по вкусу. Они перешли границу, лихо хмыляясь. Теперь они хнычут и ругаются.

Один унтер-офицер, по имени Гейнц Клин, вёл дневник. В сентябре прошлого года Клин был «удальцом». Он писал: «Фельдфебель стрелял в голову. Одна женщина умоляла, чтобы ей сохранили жизнь, но и её убили. Я удивляюсь себе — я могу совершенно спокойно глядеть на эти вещи. Не дрогнув, я глядел, как фельдфебель расстреливал русских женщин. Я даже испытывал при этом некоторое удовольствие». Но вот прошло два месяца. Немецкая армия узнала первое поражение. Гейнц Клин вместе с другими фрицами бежал от Ельца. Улучив спокойную минуту, он записал в дневнике: «Это ужасно! Самые стойкие парни плачут, как маленькие дети. Мы вынуждены бежать и бежать, только чтобы спасти свою жизнь». Да, немцы были храбрыми, когда они убивали беззащитных женщин, но под ударами Красной Армии эти палачи разревелись, как маленькие дети. Вот их немецкая отвага!

В селе Ламовы Горки Ленинградской области немцы расстреляли всех жителей из пулемётов. Они расстреляли там Анну Рыжкову, которой

было девяносто лет отроду, и Анну Теплякову, которой было отроду три месяца. Расстреливая старух и новорожденных, немцы не трусили. Вскоре после этого партизаны поймали одного из палачей. Немец валялся в ногах и вопил: «Я никого не расстреливал! Это Гитлер виноват. Я только картошку чистил...» Жалкие и презренные трусы!

Немцы боятся наших штурмовиков: «Когда кричат, что летит «железный Густав», я хочу помолиться, но зуб не попадает на зуб». Немцы не любят нашей артиллерии: «Эта «чортова пушка» уже погубила сотни тысяч немцев. У меня от неё сделалось нервное заболевание». Немцы возмущены нашими снайперами: «Жизнь стала невозможной. Из-за русских снайперов нельзя показать носа». Немцы в ужасе перед партизанами: «Мы во вражеской стране, в проклятом зелёном аду. Иногда я молюсь, а когда начинаются такие мучения, поневоле ругаешься, как извозчик».

Немец боится ночи. Наши разведчики знают, как визжат фрицы, захваченные враслох. Немец боится леса. Немец боится мороза, и он боится жары. Зимой он вопит: «Замерзаю». Летом он орёт: «Жарко, сил нет». Он не выносит степи. Он задыхается в горах. Он возмущён ветром. Он оскорблён пылью. Немецкая пехота боится сделать шаг пешком: фрицы привыкли кататься по Европе в машинах. Они привыкли ходить по тротуарам. Это — капризные колбасники. Теперь они

почувствовали, что значит пойти на Россию, Они забыли о гостиницах и чулках. Они впали в истерику, они вопят: «Русские — это фанатики, это сумасшедшие, которые не понимают, что нужно капитулировать!..»

На разбойников нашлась управа. Фрицы в России психуют. Немецкий генерал Шмидт пишет в приказе, что у солдат «расшатанные нервы и душевные изъязны». Он предостерегает их от «острой реакции страха». Но «храбрый» немецкий гренадер Герлоф не внял предостережению генерала. Герлоф записал в дневнике: «Не дурное ли это предзнаменование — сегодня утром я напустил в штаны». Хорош «сверхчеловек»!

Немец скулит, канючит, но стоит офицеру скомандовать, и фриц идёт в атаку. Он идёт не потому, что он храбрый, а потому, что он привык безропотно повиноваться.

В ноябре 1918 года Германия капитулировала. За четыре месяца до безоговорочной капитуляции немцы вели успешное наступление. Немецкие солдаты знали, что их дело пропашее, но офицер приказывал итти, и немец шёл. Немец, участник первой мировой войны, мне рассказывал: «Мы тогда больше ни во что не верили»... Я его спросил: «Как же вы так упорно наступали?» Он удивлённо поглядел на меня: «Сидим в окопе, ругаемся. Потом лейтенант свистнет, вот мы и выбегаем наверх, идём...» Но настал день, когда лейтенант свистнул, а фриц не двинулся с места: кончился завод.

Немец не будет плохо воевать. Он будет хорошо воевать до того часа, когда он перестанет воевать — побежит. До этого немца нужно довести пулями, снарядами, бомбами, минами. Немец ещё недостаточно расшатан. Нужно его ещё больше расшатать. Он кончится сразу — машина остановится.

Страх придаёт немцу смелости. Немец знает, что он натворил. Он боится расплаты. Я как-то встретил пленного, вели его три бойца. Немец умоляюще сказал мне: «Нельзя ли удвоить конвой?» Я удивился — зачем? Немец объяснил: «Я опасаюсь женщин». Он испугался наших колхозниц. Кругом были только трубы да скворечницы на деревьях — село немцы сожгли. Конечно, фриц скажет: «Нихтс! Я не жёг. Это Гитлер жёг». Но все знают, что и фриц пострадался.

Немец видит, как его ненавидят во всех странах. Французские моряки в Тулоне предпочли морское дно жизни с немцами. Крестьяне Югославии два года скрываются от немцев в горах. Вся Европа ненавидит змеиное племя. Немец знает, что когда дойдёт дело до расплаты, все с него спросят: и норвежцы, и поляки, и греки, и голландцы — счёт будет большой. И немцу страшно. Он за много тысяч километров от своего логова.

В Германии голод и одичание. Семь миллионов чужеземных рабов работают на немцев. Рабы думают об одном: как бы покончить с мерзкими

рабовладельцами. Поляки и французы, украинцы и белоруссы, мужчины и женщины — все они живут мыслью о мести.

Немкам страшно. Они пишут фрицам: «У нас опасно вечером выйти из дому, бродят русские, убежавшие из лагеря». Гретхен жалуется: «Я боюсь спать с тех пор, как в доме украинка, она меня может зарезать — ведь ей нечего терять...» В другом письме мы читаем: «Убежали поляки. Они охотятся в лесу за немцами». В третьем письме тётка сообщает племяннику: «У нас в городе привидение — француз. Он убежал, и его убили. Но после этого он задушил фрау Грессер. Мы перестали спать...»

Под бомбами кричат немки. Им страшно. Они оплакивают своё барахло. Они оплакивают добычу фрицев. Немка прислала мужу из Кельна длинное письмо: она воеет над погибшей чернобуркой. Кажется, что это воеет Германия — воровка, которая слышит шаги судей.

Что такое немец, якобы всемогущий и непобедимый, немец, который залез в Африку, который забрался за полярный круг, который гадит на курортах Кавказа? Что такое этот «сверхчеловек»? Лучше не скажешь, чем сказал немец, обер-лейтенант Гергард Крейн: «Иногда мне кажется, что у нас снаружи броня из замечательной стали. А что внутри? — Дерьмо».

Чванливые разбойники, нахальные невежды, жестокие дикари, трусливые и беспощадные к слабым, они залили мир кровью. Они уничто-

жили тысячи городов. Они внесли горе в миллионы семейств. Они разрушили памятники искусства, плоды труда и человеческого гения. Эти ничтожные колбасники вмешались в мирную жизнь Европы и принесли народам неслыханное горе. Сверхчеловек? Нет. Нахал. Трус. Фриц.

Священная ненависть в наших сердцах. Кто может уснуть спокойно, когда немцы на нашей земле? Павианы в Киеве. Палачи в Харькове. Вешатели в Ростове. Воры в Одессе. Негодяи под Ленинградом. Кровь кипит. Одна мысль: убить немца! Его ненасытное брюхо ждёт штыка. Пора закрыть его жадные глаза. Пора разбить тупую квадратную голову. Не жить змеиному племени!

Буря шумит над степями Дона. Это идёт разгневанная, возмущённая, непримиримая Россия, Россия — истец, Россия — судья, Россия — мститель. Она идёт с одной мыслью, с одним чувством:

Смерть немцам!

Цена 15 коп.

К читателям

*Издательство просит присылать отзывы
на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер., 3.
Воениздат*